

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юрий Валин «МЫ
ОДНОЙ КРОВИ»

Десант из будущего

Юрий Валин
«Мы одной крови». Десант из будущего
Серия «Самый младший лейтенант», книга 3

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4581183
«Мы одной крови». Десант из будущего: Яуза, Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-59523-5

Аннотация

Долгожданное продолжение бестселлеров «Самый младший лейтенант» и «Самый старший лейтенант»! Опергруппа из будущего десантируется в 1944 год, где внезапно оборвалась связь с резидентом, внедренным во фронтовое Управление СМЕРШа. Однако в прошлом все идет не по плану, вразнос, наперекосяк – резидент убит, высадка проходит крайне неудачно, в самое пекло ожесточенного сражения за Выборг, а вдобавок еще и смершевцы заподозрили в «попаданцах» немецких агентов... Как снять с себя эти обвинения и стать для фронтовиков Великой Отечественной своими? Как доказать, что «МЫ ОДНОЙ КРОВИ»? Только в бою!

Автор благодарит: Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах» Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

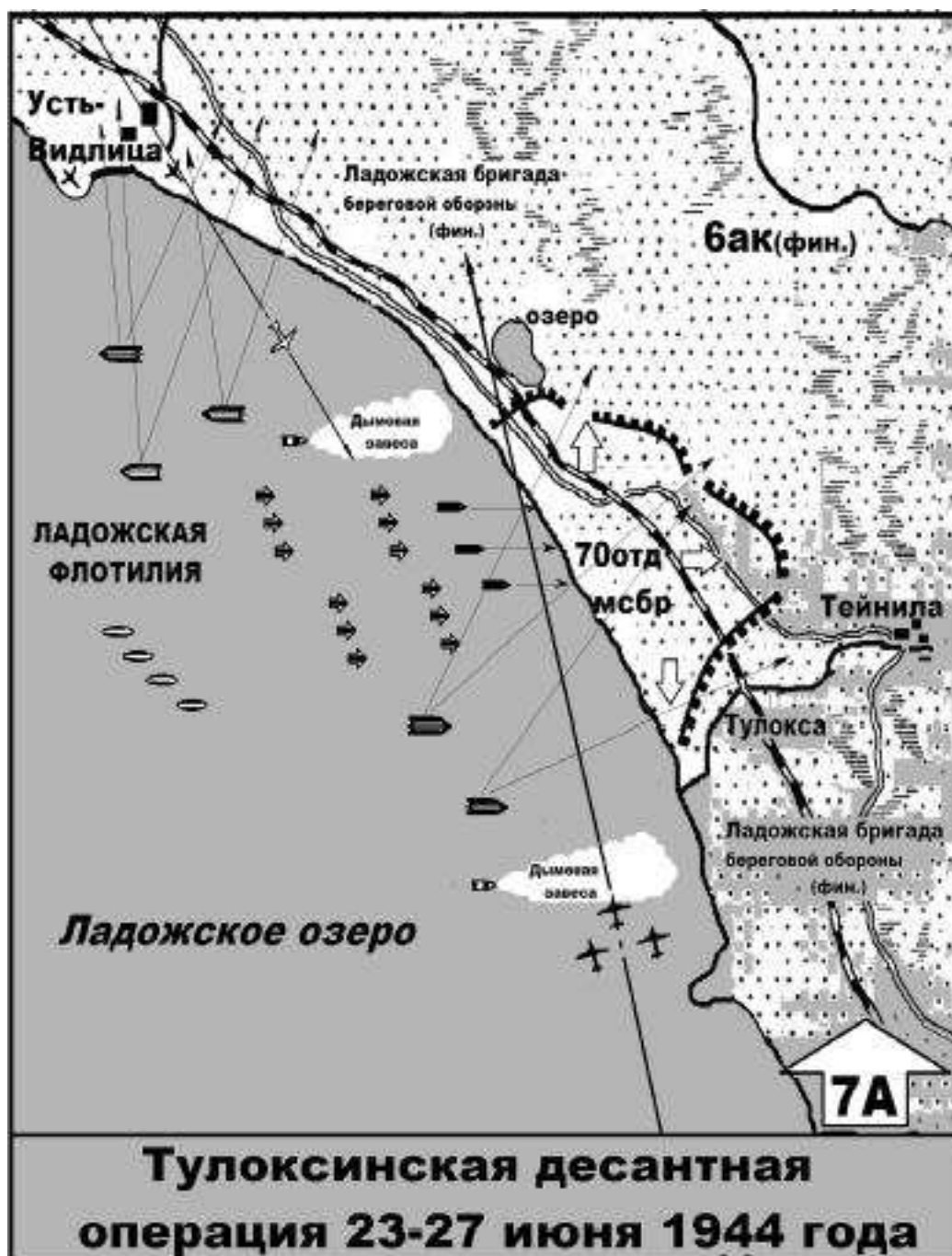
Содержание

Пролог	7
Глава первая	17
Глава вторая	27
Глава третья	34
Глава четвертая	39
Глава пятая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Валин
«Мы одной крови». Десант из будущего

Пролог

10 июня 1944 года

Мусталовский ручей

(44 км от Ленинграда)

– Взялись!

Команды Алексей толком не расслышал – гремело и грохотало все вокруг. Но и так было понятно – батарейцы подхватили станины, навалились, упираясь руками, плечами и животами в боевой металл – гаубица дрогнула, поднатужилась и двинулась вперед. Это чудище, весом в две с половиной тонны – звали «Манечкой»¹.

Ее, гаубицу, в огневом взводе любили – от Орши шла-воевала. Впрочем, ее же и ненавидели. Сейчас, из всех сил упираясь в массивное, обтянутое грубой резиной покрышки металлическое колесо, Алексей теснее жался к надежному железу. От пули и осколка точно защитит. Если «подарок», конечно, с той, с удачной, стороны рванет...

«Манечка» катилась, по-утиному переваливаясь на комьях земли, выброшенных из свежих воронок. Кажется, гаубица уже сама стремилась вперед – в долинку, к тому заболоченному ручейку, где еще торчали остатки изломанного тростника, дальше – к щепе и обрывкам «колючки», оставшейся от первой линии заграждения на чуть заметном подъеме, еще дальше – к далекой, полностью выкошенной первыми артударами роще. Откуда-то с той стороны били финны, и где-то там был этот чертов дот. Левее, по нашему берегу ручья, маневрировали прикрывающие атаку танки: четыре легких Т-26. Правда, один стоял и вяло дымил. Ни своей пехоты, ни самоходок, что откуда-то справа часто и глухо лупили по финнам, Алексей не видел. Видел младший сержант Трофимов стальное колесо. Смотрел на царапины глубокие и толкал «Манечку».

Позади остался «Сталинец»² – согнулся с кувалдой водитель над лопнувшей гусеницей, двое бойцов торопливо стягивали на землю ящики с выстрелами...

...Звякнуло-взвизгнуло, срикошетив от щита – вот и прикрыла «Манечка». Что-то закричал командир орудия – Алексей так и не запомнил, как его зовут, но точно сержант был с Волги, – все шутил, что из потомственных бурлаков с углубленным классовым упорством. Лейтенант, командир огневого взвода, шел за орудием, то и дело обеими руками поправлял каску, вглядывался – где-то здесь должна быть заранее размечена позиция. Расчет готовился – ребята ползали сюда по ночам. Вообще-то проклятый дот пытались разглядеть уже четыре дня. Четыре дня как прибыла на передовую батарея, а дот здесь торчал черт знает сколько, может, вообще с самой Финской уцелел, врос, вжился, стал частью того пологого склона. А может быть, частью той рощи, от которой остались стволы-пеньки высотой в рост человека да груды измочаленных ветвей. Но дот точно был еще живой. Утром по нему били дивизионом, но, как теперь уже понятно, не добились. И настал черед «Манечки», что и ждала своего выхода в орудийном окопе за траншеями пехоты. «Прямой наводкой» это называется.

Младший сержант Трофимов артиллеристом не был. В смысле, сейчас-то был, уже вторые сутки. Но вообще-то радистом значился по боевой специальности Алексей Трофимов. Двое суток как прибыл с пополнением в дивизион, был назначен во взвод связи, согласно штатному расписанию. Ну, штат-то был, а вот второй рации в дивизионе не было. Посему усилили могучим и свежим Трофимовым огневой взвод. Как в воду смотрели – тягловая сила «Манечке» ох как пригодилась. Хотя какая из послегоспитального младшего сержанта тяга?

¹ М-30 – 122-мм гаубица образца 1938 года.

² СТЗ-5 «Сталинец» – гусеничный тягач производства Сталинградского тракторного завода.

«Грибом» на батарее новичка обозвали – оно и понятно: одна башка-шляпка на тощем, не сильно-то рослом теле, вот и весь боец.

– Хорош!

«Манечка» качнулась – Алексея отпихнули – не мешай, доходяга-махра.

– За бэ-ка вали, Гриб!

Алексей расслышал, побежал навстречу батареям, волокущим снаряды. Вместе с усачом рысью доволокли ящик. Господи, да сколько веса-то в нем?

Несло клубы вонючего дыма, глушил визг мин, – вспухали разрывы, – живы финны, отсиделись. Свиста пуль не слышно, отдельных разрывов не слышно – с утра гремит и дрожит Карельская земля, бушует артподготовка по фронту от Белоострова до Таппари. Где гуще, где жиже. Сейчас, наверное, здесь пожиге. Потому как финские пулеметы, минометы да наши танчики и самоходки, дивизионные трехдюймовки – щекотка, по сравнению с тем управляемым валом огня тысяч орудий.

...«Манечка» уже растопырила станины, шевелила своим недлинным хоботом-стволом. Лейтенант стоял на колене у колышка, заранее обозначавшего огневую, не отрывался от бинокля. Что-то кричал, не оборачиваясь. Алексей не слышал, не понимал, – точно, Гриб, и что, дурак, каску единственный из расчета нацепил? Лейтенант тоже в каске, да кто над ним смеяться будет?

Лейтенант обернулся: лицо злое, желтые зубы скалятся. Встал за ним столб минометного разрыва – лейтенант втянул голову в плечи, но все кричал...

Рвануло правее, – Алексей на коленях оказался, непривычный карабин под мышку сбился, земля по каске барабанила.

– Выс!.. – расслышал сквозь грохот, успел распахнуть рот...

«Манечка» гавкнула... Подпрыгнула над землей в радости своей тяжеловесной, выплюнула из дыма раскаленного стакан гильзы...

...Алексей рысил с очередной походкой – вырывалась из руки скоба массивного ящика, карабин колотил по спине.

– Да что, твою... слабосильный такой?! – прокричал в грохот и пыль ядовито вспаханной земли усач-батареец.

– Так я с запасного, – прохрипел Алексей.

– Вас, грибов, вообще за...

...«Манечка» без спешки, но и не медля, харкала в финнов двадцатикилограммовой смертью. Алексей не смотрел – раззявив по-рыбьи рот, бегал и бегал к тягачу и назад, с ящиком на двоих. Левый бок сзади жгло болью, но в шаг уже приноровились попадать, ящик вырваться не спешил, – усач крутил бритой потной головой, матерился, но уже больше для бодрости. Что-то о «пристрелялись, курвы»...

...Они не видели, как там, на склоне, взлетел, вышибленный из земли, бронеколпак, похожий на бородавку. А дот тот злодеручий то ли разбили, то ли финны не выдержали лежащих рядом снарядов и драпанули. Лейтенант, наверное, что-то видел, и наводчик, припавший к не очень-то подходящей для стрельбы прямой наводкой, панораме, тоже видел. Вообще-то, война – слепая тетка. Кто ее видит, кто по команде стреляет, а кто только ящики с надежными, но опять же жутко неудобными ручками, тащит.

...Рвануло вблизи, подноски попадали, свиста осколков Алексей не расслышал. Одновременно подняли головы, усатый сморкнулся рыжей пылью:

– Вот, маму их...

Подхватили ящик, – до «Манечки» шагов с полсотни оставалось. У орудия кто-то лежал. И лейтенант сидел, расставив ноги...

Опустили ящик к остальным, батареец кинулся к орудию. Жил и работал расчет в пыли и дыму, «Манечка» жила, ждала заряда, и главным сейчас именно это было...

– Гриб, ты лейтенанта бери. И под ногами не путайтесь! – проорал кто-то в ухо.

Алексей нагнулся к командиру взвода:

– Встать можете?

– Жи... живот. – Лейтенант держался за ремень, на гимнастерке расплывалось темное.

– Сейчас замотаем, – Алексей раздирал обертку перевязочного пакета – проклятая нитка, понятно, оборвалась. – Придержите, сейч...

...Гавкнула, оглушая весь мир, «Манечка»...

Алексей, отплевываясь и пытаясь проморгать пыль, помог лейтенанту встать. Поковыляли... Проклятый карабин опять съехал в подмышку. Лейтенант слабо обхватывал за шею – ноги подгибались. Бормотал что-то. Алексей расслышал обрывки:

– ...зря написал. Мама говорила...

За спиной злобно гавкнула гаубица – сердилась «Манечка» на лежащие рядом мины. Какая-то финская сволочь, хоть и из единственного уцелевшего 81-миллиметрового, но пыталась накрыть.

Тягач уже был рядом. Механик стоял на четвереньках, колотил кувалдой, вбивая «палец». Алексей почти волок на себе лейтенанта, вцепившись в скользкий ремень. Совсем заплохело взводному – руку с кровавым комом опустил, низ гимнастерки темный, влажный. Перевязать нужно получше, изойдет кровью. У механика пакет должен быть...

...Свист Алексей услышал в последний момент. Говорят, когда точно в тебя – вообще не слышишь. И ведь обидно – перелет ведь какой финн дал...

...Трофимов, увлекая лейтенанта, качнулся вперед – упасть, все ж меньше порвет... Не успели: встал за спиной черный куст – швырнула взрывная волна солдатские тела вперед, прямо на блестящую гусеницу «Сталинца»...

...Еще миг стоял на ногах Алексей. Голова болью лопнула. Все. Отвоевался. Второй раз даже короче получилось...

Аэродром Касимово (15 км от Ленинграда) 7:50

Винты Ли-2³ взбивали воздух. Рев двигателей оглушал, вибрирующее бетонное покрытие толкалось в подошвы сапог. Впрочем, наверное это не самолет виноват. До линии фронта всего меньше 20 километров.

Подполковник Сергей Вячеславович Варварин кинул взгляд на часы. Там артподготовка продолжалась уже второй час. Ленинградский фронт переходил в наступление. Вернее, уже перешел. Накануне, после удара бомбардировщиков и штурмовиков, началась артподготовка. Десять часов, почти непрерывно. По всей ширине Карельского перешейка, дабы не раскрывать направление главного удара до последней минуты. В паузах артподготовки части 23-й армии силами отдельных взводов, рот и батальонов атаковали на разных участках. Разведка боем увенчалась лишь частичным успехом – у Мертути и в районе Дюны удалось срезать выступы линии фронта глубиной до полукилометра. На остальных одиннадцати участках продвинуться не удалось, местами наши понесли ощутимые потери в пехоте и танках. Возможно, этот кажущийся успех взбодрил оглушенных финнов. Но главную задачу разведка боем выполнила: были вскрыты неподавленные финские огневые точки и выяснена эффективность артподготовки.

Повторная артподготовка началась в 6.30...

³ Ли-2 – советский военно-транспортный самолет. Производился с 1942 года в Ташкенте. За основу взят лицензионный вариант Douglas DC-3.

Меньше чем через час наши войска атакуют. И машина начнет работать на полную мощность. А пока тысячи тонн металла и бризантной взрывчатки вспахивают минные поля, разносят вдребезги гранитные противотанковые надолбы, крушат уцелевшие бронеколпаки и дзоты. Телефонная связь финнов уничтожена полностью, контрбатарейная стрельба подавлена, оставшиеся в живых солдаты и офицеры сидят в убежищах, молятся и ждут. Ад всегда внезапен.

Основная оборонительная линия будет прорвана сегодня. За два часа. По сути, ее уже там нет. Гвардейцы 30-го стрелкового корпуса при поддержке танков нанесут основной удар вдоль шоссе Белоостров – Выборг. Деморализованные финны начнут отходить почти сразу. На флангах советские стрелковые корпуса так же сомнут оборону противника и с опережением выполнят задачу дня. К вечеру в финской обороне будет зиять брешь шириной в двадцать километров. Это только начало, но это отлично спланированное и воплощенное в жизнь начало...

Подполковник Варварин многое знал. В принципе, по штату положено. 10-й Отдел СМЕРШ (отдел С) – работа по специальным заданиям. Пусть штаб родной Отдельной Приморской армии сейчас в тылу, в далеком Севастополе, а здесь подполковник лишь в краткой командировке, Сергей Вячеславович знал, что происходит. Собственно, осознают, что началось действительно наступление, все, кто слышит далекий гул тысяч орудий. И вообще что-то такое в летнем воздухе повисло...

По направлению к приземлившемуся бомбардировщику пронеслась разболтанная полуторка – в кузове, цепляясь за кабину, прямо на ходу пытались развернуть какой-то провод девчонки-технички. Еще одна, отставшая, бежала за машиной. Тоненькая, бледная, в кажущихся непомерно огромными башмаках и стеганой безрукавке не по размеру – настоящая ленинградка. На ходу смешно подпрыгнула, поддернула шаровары, поднажала, косички отчаянно запрыгали по спине...

В последнее время подполковнику Варварину нравилось смотреть на девушек. Весна только-только кончилась, в наступление пошли... Да и вообще...

В двери «Дугласа» вновь мелькнул сержант – воздушный стрелок. Крикнуть ничего не решился, только взглянул умоляюще. Варварин подхватил стоящий у сапога мятый кожаный портфель и пошел к трапу. Действительно пора.

Подниматься мешала переброшенная через руку шинель, подполковник рассердился – совершеннейшей институткой стал.

Раздражаться причины были – Варварин не спал третьи сутки. По прибытии пришлось утрясать взаимодействие между «армейскими» и «флотскими» коллегами. До идеальной работы всех частей сложнейшего механизма разведки-контрразведки было ой как далеко. Даже готовая спецоперация, ее отточенная логика, подкрепленная целым пакетом разведанных, вызывала уйму совершенно ненужных вопросов и сомнений. Впрочем, время еще есть, поспорят, поругаются, но сделают. Пока немцы лишь начинают прорабатывать возможность срочной переброски подкрепления своим финским союзникам. Решение будет принято 14–15 июня, приказ на выполнение последует 20 июня. И когда транспорты со «штугами» выйдут из Таллина, их будет ждать сюрприз.

С перехватом получится неплохо. Морщился Варварин по иному поводу. Лететь не хотелось. И когда из Севастополя сюда добирался, и вот сейчас. Даже плечами хочется передернуть. Так бывает. Подполковник Варварин верил в интуицию. И работая на переднем крае, и просчитывая-обосновывая детали операций, Варварин неизменно прислушивался к внутреннему чувству. Обычно помогало. Беда в том, что иногда интуиция, эта смешная «субъективная способность выходить за пределы опыта путем мысленного озарения» забывала, что находится на войне, и норовила вступить в крайне неприятное противоречие с кон-

кретным приказом вышестоящего командования и прочими совершенно непоколебимыми определяющими армейской жизни.

– Сюда, товарищ подполковник, – стрелок интеллигентно потыкал мизинцем в скамью ближе к пилотской кабине. – Здесь болтать будет меньше.

Варварин кивнул и бросил шинель на жутко неудобную ребристую скамью. Утробу «Дугласа» контрразведчик знал хорошо – жить можно, но особого счастья бытие в ребристой обшарпанной утробе не приносит. Как-то приходилось лететь на борту, где сохранилось несколько сидений от ПС-84⁴. Иное дело, конечно. Ну, где тот «Аэрофлот»? Выспаться и здесь можно. Утешимся эгоистичной мыслью, что местные коллеги сейчас в полной запарке. Подготовку наступления удалось надежно прикрыть. Но сейчас вздохнувшее, было, посвободнее Управление СМЕРШ Ленинградского фронта вновь стоит на ушах. Буквально вчера какая-то тварь дважды нагло выходила в эфир. Краткие шифровки. И главное, чуть ли не из Агалатово рация работала. В общем, хвост коллегам мигом накрутили, посему отбывал Варварин в одиночестве, без провожающих. Ну, оно и к лучшему.

* * *

Двигатели умиротворенно урчали – самолет взял курс на юг. Варварин устраивался: портфель, завернутый в шинель, – импровизированная подушка под голову, сапогами можно упереться в ребро скамьи – есть там такой шов, весьма ощутимый, если сидишь пятой точкой, но бесполезный в положении лежа. Попутчики – два военврача, сопровождающих груз из четырех небольших, но, видимо, весьма ценных ящиков, разбирались с бумагами – капитан тыкал карандашом, что-то горячо говорил в ухо своему спутнику. Тот, симпатичный старлей с чересчур щегольской полоской усиков над верхней губой, уныло кивал.

Лететь Варварину предстояло долго – минимум две пересадки. Потом Севастополь. Дел по горло. Жарища небось. Надо пойти и искупаться. Взять Н, пойти вместе и искупаться. Какая уж тут конспирация? Все, кому не надо, уже знают. Ну и самое обычное дело, между прочим...

Заснул Варварин мгновенно. Спал, обхватывая «подушку» с портфелем, – привычка есть привычка. Вымотанный подполковник с техническими «молоточками» на погонах, то ли худощавый, то ли поджарый, и выглядящий порядком старше своих лет. Кобура ТТ сдвинута под руку, запасной ППК⁵ под формой не разглядеть. Предпочел бы Сергей Вячеславович увидеть сон приятно-отвлекающий, например о том же купании, но ничего ему не снилось.

...Проснулся мигом – протопали рядом сапоги, сиденье-ложе передало дробь-тревогу. Подполковник вскинул голову: выскочивший из кабины второй пилот смотрел в иллюминатор, медики тоже что-то там разглядывали. И сидящий на смешной ременной «качельке» у турели верхний стрелок уже не сидел, а напряженно стоял на грубовато сколоченной подставке, опираясь о затыльник пулемета.

Варварин кинул взгляд на часы – отнюдь не шикарные, но надежные трофейные «Хелеус» показывали 8.28. Тьфу, черт бы их взял, всего пять минут и спал.

– Чего там?

– Да хулиганят, товарищ подполковник, – отозвался второй пилот. – Хоть что им делай...

Варварин увидел пару ЛаГГов – висели рядышком, казалось, от крыла «Дугласа» рукой подать. Истребители шли плотно друг к другу, явно щеголяя своим летным умением. Прямо

⁴ ПС-84 – пассажирский вариант «Дугласа», до войны обслуживавший пассажирские линии «Аэрофлота».

⁵ ППК – пистолет Walther PPK.

парад: свеженькие, нарядные – действительно «рояли»⁶. Ближний картинно качнул крыльями – пилот что-то показывал ладонью, затянутой в черную перчатку.

– Чего хотят-то? – пробормотал Варварин.

– А хрен их... Виноват, товарищ подполковник. Вроде как к востоку уходить требуют. Тут разве поймешь...

– С аэродромом связались?

– Не выходит. Помехи сильные. Видно, гроза ходит.

– Вы давайте-давайте, связывайтесь. Это воздушное хамство на корню пресекать нужно.

Пилот пошел в кабину. Варварин потер лицо ладонями. Нехорошее впечатление истребители произвели. Вроде наступление началось, готовились весьма тщательно, неплохо готовились. И все равно бардак. Или не бардак? Случилось что-то? Со связью у нас вечные проблемы...

ЛаГГи шли рядом. Кажется, еще приблизились. Военврач стучал себе по лбу, показывал летунам – куда лезете? Действительно, не хватало еще из-за лихачества на землю кувыркнуться. Но на истребителях вряд ли жесты разглядят – иллюминаторы на «Дугласе», того, мутноваты.

Варварин машинально потер плексиглас иллюминатора и пошел к кабине. Навстречу высунулся штурман, покачал головой, – понятно, связи нет. Как-то одно к одному. Нехорошо.

Летчики смотрели на идущие параллельно истребители.

– Вот, товарищ подполковник, опять...

Было видно, как пилот ближайшего ЛаГГа стукнул раскрытой ладонью по сжатому кулаку – жест вполне понятный – и зло ткнул пальцем в сторону. Тут же второй истребитель ушел левее, явно призывая следовать за ним.

Нехорошо. На пьяных не похожи, а зарываются.

– Куда они нас тащить собрались?

– Так кто знает, товарищ подполковник. Там вообще ничего. Ну, еще пара аэродромов подскока, но наши уже ушли оттуда к фронту поближе. А дальше только Ладога.

– Давайте-ка, ребята, возвращаться, – сказал Варварин. – Сядем спокойно в Касимово или на Шоссейной, выясним, что за фокусы...

– Товарищ подполковник, но ведь...

– А давайте без дискуссий, товарищ старший лейтенант. Мы не на бомбежку идем, нечего горячку пороть. Перерасход топлива я на себя возьму, – Варварин сделал знак радисту. – Работай. Что это у вас вечно грозы-ураганы. Небось не Кренкель⁷, во льдах затерявшийся...

– Так помехи какие, – жалобно сказал старшина-радист.

– Ну, покрути там что-нибудь, посоображай...

«Дуглас» плавно заваливался на крыло. Варварин сел на жесткое сиденье, машинально глянул в иллюминатор – истребителей видно не было. Нехорошо. Что-то в них странное...

Самолет неожиданно вздрогнул, клюнул носом. В кабине разом закричали. Нецензурно. Варварин вскочил...

– Он же, гад, нам прямо перед носом врезал, – кричал командир транспортника. – Из всего бортового...

– Понятно. – Варварин машинально поправил кобуру – Вот что, товарищ старший лейтенант. Давайте тянуть на Касимово. Он ближайший из готовых нас принять?

⁶ Одно из прозвищ истребителя Лавочкина – Горбунова – Гудкова. Называли также «утюг» и «Лакированный Авиационный Гарантированный Гроб».

⁷ Кренкель Эрнст Теодорович – известный советский полярник, радист, Герой Советского Союза.

– Товарищ подполк...

Еще не поняли. Смотрят ошалело. Штурман целлулоидную линейку гнет...

– Это немецкая провокация. Так что к бою, товарищи командиры. А ты, земляк, связь рожай немедленно.

Сошлось. Свеженькая покраска ЛаГГов, сияющие красные звезды, странные антенны на истребителях. Варварин был человеком сугубо земным-наземным, но на память не жаловался – на стандартных «роялях» какая-то иная антенна. Пожиже. Неважно. Еще одно несоответствие. Штрих.

Плохо. Если вычисляли и вычислили, то не выпустят. Чужой радиопередатчик у аэродрома – пропавший вчера «Дуглас» – помехи – истребители. Неужели все по вашу душу, товарищ подполковник? Вычислить сложно... но возможно. И связи, мать их, нет... Откуда вообще могли взяться «фальшивые» ЛаГГи? Ведь в тылу идем...

Ли-2 снижался на широком вираже – наперерез шли две точки. Догоняют...

...Это было почти нестрашно: вспарывали короткие очереди пол и крылья, летел дюраль от плоскостей. Отчаянно пытались достать промелькнувшие истребители пулеметы в шкворневых установках по бортам Ли-2. Тщетно – ЛаГГи атаковали строго сзади-снизу, где транспортник был совершенно беззащитен. Горел правый двигатель, «Дуглас», кренясь, шел к земле. Но еще держалась живучая машина, матерились летчики, кричал в шипящую рацию штурман.

Варварин сидел на корточках, прижавшись спиной к переборке. Все было как-то бессмысленно. И ведь не поговоришь с врагом, не обманешь. Тем, кто послал «гробы», был очень нужен подполковник отдела «С». Нет, скорее, человек, знающий и о другом Отделе. Был нужен живым или мертвым. Теперь уже точно мертвым. Может быть, нужно было сесть, где укажут? Парни бы остались живы. Нет, вряд ли. Серьезная игра начата, и свидетели никому не нужны. Да, плохо.

Глядя, как ползает капитан-военврач вокруг вытянувшегося в луже крови коллеги, Варварин, вытащил из кармана удостоверение. Карандаш крошился, писать было трудно...

Подполковник тщательно застегнул карман гимнастерки. Выпрямиться было трудно – самолет все больше заваливался на крыло – за иллюминаторами мелькали такие близкие макушки сосен.

– А, твою!!! – Верхний стрелок, наконец, открыл огонь – истребители уже не могли атаковать снизу – зашли с хвоста. Грохотал «Березин»⁸ – стрелок почти висел на пулемете...

Очередь пушки ЛаГГа срезала край плоскости, и «Дуглас» на мгновение выпрямился. Огонь с горящего двигателя широко лизал крыло. Живучий самолет тянул, оставшиеся в живых члены экипажа и пассажиры ждали скрипа рассыпающегося металла. Огонь и струи воздуха бились в десятках пробоин...

– А я в него попал! – закричал стрелок. – Честное слово!

– Прыгайте, Сашка! Дай докторам парашюты.

– Да куда там прыгать, – прохрипел уткнувшийся окровавленным лбом в рацию штурман. – Лес уж стрижем. Сажай нас, командир.

Варварин мог прыгнуть. Находясь в самолете, еще никто этого не делал, но технически в подобном Переходе нет ничего невозможного. Самое время вспомнить о чипе. Беззвучно дрогнет мир, и окажется майор ВС РФ Сергей Вячеславович Ковтухин где-нибудь в Москве, у Комсомольского проспекта. Переломов, вероятно, не избежать, но в ЦКГ⁹ творят чудеса. Потом выпишут домой, в забытую «двушку» в Орехово. Сестра к тому времени выдворит

⁸ 12,7-мм авиационный пулемет М.Е. Березина. На Ли-2 устанавливался вариант УБТ на турели.

⁹ ЦКГ – Центральный клинический госпиталь.

квартирантов. Можно будет пить нормальный кофе, смотреть телевизор. Пенсию, наверное, дадут...

Варварин стоял в узком проходе к кабине, упирался плечом и рукой в изрешеченную стену. Некуда прыгать. И тому московскому майору, и этому севастопольскому подполковнику прыгать некуда. Дома мы. И еще можно сесть. Можно. Дела у нас здесь.

– Давай сажай, командир. Поспокойнее, – сказал Варварин, глядя вперед. Оттуда, из паутины пулевых отверстий в лобовом стекле, из голубого свистящего июньского неба рос силуэт ненашего ЛаГГа. Затрепетали огоньки пулеметов. Затрясся от попаданий корпус «Дугласа»...

Когда падает транспортник, он ничего не поет. Ему некогда петь, он большой и борется до последнего...

Севастополь.

Северная бухта.

8.29

Девушка сидела и смотрела на волну. Волна была как волна, а девушка как девушка. Обе довольно невыразительные. Но довольно чистые. Волна, должно быть, уже в миллионный раз лизала обломок причала, а девушка только что на том обломке бетона стояла и умывалась соленой прохладной водой.

Собственно, девушка была вовсе не какая-то там безличная девушка, а Марина Дмитриевна Шведова, 1925 года рождения, комсомолка, атеистка и, что в данный момент важнее, – старшина, санинструктор медслужбы отдельного взвода ОКР СМЕРШ. Что обязывало не сидеть здесь и бездельничать, а следовать в портовую комендатуру с вверенным командованием секретным пакетом. По случаю нахождения в глубоком тылу санинструкторам вменялся самый широкий круг обязанностей.

Но девушка-старшина никуда не следовала, а недисциплинированно сидела и смотрела на зеленую воду. Нет, купаться Марине не хотелось – чуть больше полугода назад раз и навсегда разучилась любить купания. Просто день был такой... Странный. Плохой, наверное?

Ничего угнетающего в этом солнечном южном утре не было. Лежал город в развалинах, но от мин его уже всю чистили, с пресной водой дело налаживалось, да и вообще война отсюда все дальше уходила. Готовились к боевым походам подлодки и миноносцы, но это будут уже дальние походы, к чужим берегам, к чужим городам, которым еще предстоит нападать хорошенько, чтоб не лезли их тупые уроженцы в наш советский Крым.

Марина вздохнула, глядя в волну неутомимую, и принялась наматывать портянки. От пристани старшину заслонял искореженный корпус плавучего крана, что подорвали удирающие немцы, и сидеть здесь было спокойно. Можно даже «рассупониться», как говорит начальник.

Пуговицы ворота гимнастерки застегнуты, ремень с кожаной (командирской) кобурой нагана затянут. Старшина Шведова поправила косы, зашпиленные на затылке девчачьим «крендельком», и надела пилотку. Подхватив немецкую планшетку с пакетом, привстала...

...и села на не успевший еще хорошенько прогреться бетон. Сердце сжало тем холодом керченским...

...Пора было идти. В отдел вернуться, там еще с аптекой...

Она сидела, до боли сплетя пальцы на черной коже немецкого планшета. Смотрела, не видя, на циферблат часиков. Стрелочки отсчитывали секунды... минуты.

8.40... 8.41...

Случилось. С ним что-то случилось.

Марина замычала, кусая нижнюю губу...

Итог дня.

36-й мсб¹⁰. (40 км от Ленинграда)

20.15

Алексей крихтел, но себя не слышал. Правое ухо закрывала плотная повязка: вата, марля, бинт вокруг башки. Судя по ощущениям, в ухе кровь запеклась плотным комом, свер-бело так, что даже головную боль заглушало.

Жив был младший сержант Трофимов, и даже толком не ранен, только контужен. Ухо, конечно, того, – пострадало. И на спине две символические, но весьма ощутимые «вавки» – вскользь зацепило крошечными осколками. Гимнастерка, хоть и б/у, но вполне приличная, конечно, пропала бесповоротно.

Крихтеть, себя не слыша, – занятие бестолковое. Бинтовали спину Алексею уверенно, хотя и грубовато. С такими руками, как у тетки, надо те ящики с выстрелами таскать, а не настрадавшуюся солдатскую плоть обихаживать.

В санбате малость поутихло – поток раненых иссякал, дошло дело до легкораненых-контуженых. Как сюда Алексея дотащили, он не помнил. Пришел в себя уже на подстилке из лапника. Жив, надо же. А лейтенанта что-то не видать. Или отправили как тяжелого, или там у тягача взводного и добило.

Умирали и здесь. Санитары вытаскивали тела, уносили за молоденький ельник. Это правильно, потому как смотреть страшно. Когда в первый раз ранило, Алексей вообще ничего не помнил. Задним умом удивлялся: и как вытащили, как переправили?

За спиной говорили. Звуки младший сержант Трофимов слышал, но толком разобрать не мог. Тронули левый бок – там, где старый шрам был. Алексей вздрогнул – башка болью отозвалась, «вавки» под свежими бинтами с новой силой жечь начало. Старый шрам он, конечно, того – жутковат. Алексей пару раз, изловчась, в зеркало себя рассматривал. Да, такой хреновиной фрицев пугать можно.

– Боец, слышишь меня? – На лапник перед Алексеем сел доктор – халат как у мясника, – руки свежeweмытые вытирает. – Слышишь, говорю?

– В общем, товарищ капитан. Голова гудит. И ухо...

– Пройдет. Очухаешься. Пока на людей смотри – по артикуляции догадаешься. У тебя со спиной когда было?

– Год назад, товарищ капитан. Осколок.

– Да уж вижу, что не из дамского браунинга. И кто ж тебя такого на фронт? Нам здесь доходяги не особо сейчас нужны.

– Комиссию прошел.

– Э, тебе на молокозаводе воевать нужно. Какой идиот тебя на батарею погнал? Небось заряжающим пристроили?

– Радист я.

– Так какого... – Доктор закурил. – Ладно. Не куришь? Это правильно. Вот что, боец, в тыл кататься тебе незачем. Не поймут. Пока здесь остаешься. Сейчас с потоком разберемся, и с особистом ты поговоришь. Я уже вызвал.

– Товарищ капитан...

– Я вам дам, товарищ капитан. Охренели вовсе. Как в сорок первом. Батарейцы, боги войны, мать вашу... Я ваш дивизион уже приметил, дождутся там... Сиди, отдыхай, однобокий...

Капитан пошел в операционную палатку, а Алексей попытался удобнее улечься. Потянул к себе шинель – вроде ничейная...

¹⁰ Медсанбат.